

КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКАЯ МИФОЛОГИЯ

Karachay-Balkarian Mythology

Hamid H. MALKONDUEV*

Резюме: В статье рассматриваются своеобразие и особенности карачаево-балкарской мифологии, которая представляет древнейший пласт его воззрений на окружающий мир. Прежде всего следует подчеркнуть, что доминирующее место здесь отводится культу древнейших божеств-покровителей тюрко-монгольской мифологии.

Верховным божеством, творцом Вселенной и Земли выступает Кёк тейри или Уллу Тейри, которому народ посвятил три магические песни, где воспеваются его величие как создателя всего сущего.

Большое место отводится и воспеванию древнейшего и второго по значимости божества Умай или Умай-Эне (Мать Умай), имя которой широко распространено в древнем фольклоре всего тюрко-монгольского мира.

В богатырском эпосе «Нарты», магической, обрядовой, мифологической поэзии, а также в сказках этно-исторического содержания встречаются упоминания о божествах Тенгиз тейри, Суу тейри, От тейри, Энекей, а иногда и о покровительнице материнства у огузов Ал Халасы или Ал Анасы.

Множество текстов магического характера выражается терминами жилин алгыш «заговор змеи», кёме алгыш «заговор кори» и т.д.

Ключевые слова: мифология, магия, тюрко-монгольские мифы, алгыш (заговор), композиция, Тейри (Тенгри), Умай, Энекей.

Abstract: In article are considered originality and features of karachay-balkarian mythology, which represents the most ancient layer of its views on world around. First of all it is necessary to emphasize, that the dominating seat here is allocated to a cult of the most ancient deities-patrons of the turkic-mongolian mythology.

As the supreme deity, the creator of the Universe and the Earth acts Kök Teyri

Makale Gönderim:
15.10.2015
Kabul Tarihi:
10.12.2015

---

* Малкондуев Хамид Х. Заведующий сектором карачаево-балкарского фольклора, ФГБНУ «Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований», malkanduev47@mail.ru

or Ullu Teyri, to which people has devoted three magic songs, where are sung its greatness as the founder of all real.

The big seat is allocated also to chanting of the most ancient and second deity on importance Umay or Umay-Ene (Mother Umay), which name is widely widespread in ancient folklore of all turkic-mongolian world.

In a folk epic «The Narts», magic, ceremonial, mythological poetry, and also in fairy-tales of an ethno-historical content meet the mentions of deities Tengiz teyri, Suu teyri, Ot teyri, Enekey, and sometimes the patroness of motherhood at oguz people Al Halasi or Al Anasi.

The set of texts of magic character is expressed by terms jilyan alg'ish «plot of the snake », köme alg'ish «plot of measles» etc.

Keywords: mythology, magic, the turkic-mongolian myths, alg'ish (plot), a composition, Teyri (Tengri), Umay, Enekey.

Домонотеистическим верованиям балкаро-карачаевцев и их фольклору посвящена серия работ, из которых наиболее обстоятельны исследования Л.И. Лаврова (1969: 97-113), А.З. Холаева (1981а: 13-32), К.Г. Азаматова (1980: 143-161), А.И. Караевой (1961), Р.А. Ортабаевой (1967: 31-36), И.М. Шаманова (1982: 155-170) и З.Х. Толгурова (1984: 27-56). Изыскания указанных авторов существенно расширили представления о данной сфере духовной культуры предков балкаро-карачаевцев. Целью же данной статьи является, опираясь на сделанное, попытаться дополнить материалы по данному вопросу.

Балкаро-карачаевцы располагают богатым нартским эпосом (в том числе и песенным), заговорами, древнейшими жанрами тюркской народной поэзии – *алгышами* и *каргышами*, обрядами и ритуалами с приуроченной к ним хореографией. Языческий пантеон и связанную с ним религиозную обрядность Л.И. Лавров дифференцирует на три основных компонента: древнекавказский, аланский и тюркский (Lavgov, 1969: 109).

Во главе пантеона, как и у всех тюрко-монгольских народов вообще, стоит верховное божество Тейри (Тенгри), творец Вселенной и всего сущего, пользующийся особым почитанием. «Тенгри как персонифицированное мужское божественное начало, распоряжающееся судьбами человека, народа и государства» (Mifi, 1982: 500), известно еще в древне-тюркской мифологии. Небезынтересно, кстати, что связанные с его культом гимнические песнопения к настоящему времени удалось зафиксировать в фольклоре тюркоязычных народов только у балкаро-карачаевцев.

Нет сомнения, что балкаро-карачаевская мифология унаследовала культ Тейри в древнетюркской этнокультурной среде (Shamanov, 1982: 187). Это объясняется тем, что балкаро-карачаевцы, несмотря на синтез ряда верований в их среде, долгое время оставались язычниками и слабо подвергались воздействию мировых религий. Это дало возможность сохранить в большом количестве без значительной трансформации древнейший песенный эпос. При этом следует отметить, что самым высокочтимым был верховный бог Тейри. В языческом пантеоне он занимал главенствующее положение. От его воли зависимы в своих деяниях другие языческие боги, а потому они вынуждены всегда обращаться к нему с просьбой. Именем и клятвой Тейри начинаются благопожелания – алгышы и проклятия – каргышы, широко бытующие в песенном фольклоре балкаро-карачаевцев древнейшие жанры тюркской поэзии. Без имени Тейри не обходится ни один ритуал, ни одна приуроченная песня – будь она обрядовая или культовая. В песнях, воспевающих могущество Тейри, доминирует идея его космогонической функции. От его воли зависит судьба Вселенной, Земли и живущих на ней людей. Позже с именем Тейри народ начинает связывать любое представление о боге вообще, что не в последнюю очередь обусловлено уже самой полифункциональностью прототипа. К примеру,

Кюн тејрису – тејри Солнца, *Ай тејрису* – тејри Луны, *Жер тејрису* – тејри Земли, *От тејрису* – тејри Огня и т.д.

В Чегемском ущелье выше часовни Хустос (Христос) сохранились развалины крепости Тејри-Кала. В прошлом язычники у этого святилища устраивали массовое национальное празднество «Тејри той», где исполняли гимнические песнопения в честь верховного божества, которое сопровождалось массовыми танцами и играми на музыкальных инструментах. Люди верили, что крепость была построена волей божества и особо почитали ее. Обряд всецело посвящался воспеванию Тејри как единственного и могущественного покровителя всего земного и небесного. Он имел и календарно-обрядовые функции.

Балкаро-карачаевская поэтическая культура сохранила до наших времен две небольшие обрядовые песни, в которых упоминается имя широко распространенной в древнетюркской мифологии богини материнства, плодородия и охоты Умай. Существует и нартская песня, в которой она предстает как дочь великого Тејри. В ней она наделена поистине божественными атрибутами. Очевидно, до христианской Марии (Мариам) роль покровительницы материнства в балкаро-карачаевской мифологии принадлежала Умай. Надо полагать, что и до богини охоты Байдымат, функцию покровительницы охоты выполняла Умай.

В древнем песенном фольклоре существуют также фрагментарные данные о покровительнице младенцев в мифологии тюрков-огузов Ал-Анасы или Ал Халасы. С песней-заклинанием к ней обращались языческие жрецы при обряде бракосочетания, благословляя молодых на счастливую и долгую жизнь.

Во всем этом видны яркие следы отголосков древнетюркской культуры. Они дошли до нас из глубины веков и уходят своими корнями в общетюркское этническое единство.

Многие темы и мотивы мифологии балкаро-карачаевцев обнаруживают поразительные аналогии в мифологических произведениях и эпосе народов Северного Кавказа. В их количестве значительно больше персонажей аланских полуязыческих, полухристианских культов, что лишний раз подтверждает мнение исследователей о значительной роли алан в этногенезе балкаро-карачаевцев. В частности, такие образы балкаро-карачаевского фольклора, как Апсаты, Анай, Хардар, Чоппа, Данметтир, Тотур (Аш-Тотур), Элия, Тепена, Николла, Татартюп соответствуют божествам осетинской мифологии – Афсати, Анай, Хоролдар, Цоппа, Донбыттыр, Хутыр, Елия, Чепена, Николла, Татартуп и т.д.

Местный кавказский пантеон божеств в мифологии балкаро-карачаевцев также занимает значительное место. Это языческие божества Аймуш, Шибля, Мариам (Байрым), которые соответствуют божествам адыгской, грузинской, абхазской мифологии: Аймышу, Шибля, Мерем, Тха и т.д.

В языческом пантеоне балкаро-карачаевцев имеется ряд покровителей, не известных соседним народам: Дауле, Голлу, Байчы, Эрирей, Долай, Инай, Ажам, Сюлемен, Гери-Гери, Химикки, Юй Иеси, Дебет, Тымбыл, Маккуруш, Сандырак и т.д. О большинстве указанных божеств народ сложил песни, которые нередко сопровождалась обрядовой хореографией и прославляли сверхъестественную силу богов, их могущество, а также содержали просьбы о покровительстве, благополучии и т.д.

Многие образы балкаро-карачаевской мифологии характеризуются переходными чертами и по своей генетической природе синкретичны. С проникновением христианства на Северный Кавказ некоторые древние языческие божества стали персонифицироваться в образах христианских святых. Так, библейский Илья-пророк (Элия) воплощает в себе функции божества грома и молнии, в покровительнице материнства Мариам (или Байрым) нетрудно узнать святую деву Марию, а в полифункциональном божестве Тотур – святого Федора. То же самое можно сказать и относительно Николла (Николай-угодник), Геюрге (святой Георгий), чьи имена сохранились не только в религиозных верованиях народа, но и в названиях дней недели, в топонимике. Можно сказать, что синтез тюркских, древних северокавказских и в особенности аланских верований лег в основу балкаро-карачаевской мифологии. В песенном эпосе нашего народа сравнительно полно сохранилась смысловесущая особенность, культовая приуроченность и хореография этих песен-обрядов, созданных различными народами на протяжении многих веков.

Покровителями земли, урожая и изобилия в древних верованиях балкаро-карачаевцев являлись Дауле, Перекет, Хардар, Голлу и Эрирей. От Дауле зависела судьба всего растительного мира, землетрясения и смена времен года. Как и Тейри, он был наделен космическими масштабами верховного бога и выступал хозяином не только земли, но и неба, то есть божество земли Дауле был вездесущим (Лаурапов, 1957: 40).

Языческим патроном изобилия и богатства, как и у других тюркоязычных народов, иногда выступает Перекет. В народе до сих пор сохранилась формула-заклинание «Бу Перекетни хакына» – «Клянусь этим Перекетом». Позже это слово стало символом изобилия. Наиболее популярным божеством урожая был Голлу. В прошлом балкарцы в честь него ранней весной устраивали аграрные ритуальные празднества с песнями и хороводными танцами. «Голлу» в своем архаичном оформлении имел ярко выраженные черты аграрного праздника, который посвящался мифологическому покровителю урожая и отражал общинный способ земледелия. Нет сомнения, что в глубокой языческой древности причиной ее возникновения послужило коллективное стремление людей получить богатый добрый урожай. В приуроченной к обряду песне всячески старались воспеть щедрость, красоту, ум, красноречие божества. Он наделяется

антропоморфными чертами доброго белобородого старца с зоркими глазами в золотистой шубе. В одной руке он держит посох, в другой – отборное семенное зерно. Исключительный интерес представляет хореография танца «Голлу», главный исполнитель которого – *тёречи* – с полной чашей бузы обращается к божеству с просьбой о богатом урожае. Собравшиеся вокруг хоровода повторяли слова восхваления божеству. Ритуальный церемониал начинался того, что *тёречи*, т.е. старший, исполнял на популярном инструменте *сыбызгы* – дудке мелодию, которая извещала о начале обряда. По первому звуку дудки участники, взявшись за руки, становились в большой круг, начинали движение по кругу с круговой пляской и пением (Ойра, Голлу, Ойра, Голлу). Это был массовый танец-хоровод, продолжавшийся целую неделю (Ноллаев, 1981b: 9). Календарному характеру обряда явно придавалось магическое значение. Позже «Голлу» трансформируется, теряет свою аграрную функцию и превращается в свадебную песню-пляску.

Хардар представляется людям в образе златошерстного барана. К Хардару с просьбой о хорошем урожае обращались в ритуале «Сабан той», когда народ устраивал праздник первой борозды. Это происходило весной. Тамада брал чашу, наполненную бузой, и обращался со словами-заклинаниями к божеству Хардару, чтобы тот ниспослал обильный урожай.

Наиболее распространенным персонажем аграрного культа в Балкарии и Карачае был Эрирей. Песни в честь него пели на поле в процессе сеяния, и на гумне во время обмолота зерна. Люди, обращаясь к своему покровителю, клялись хорошо обрабатывать поле, и вовремя орошать его, лишь бы Эрирей дал осенью обильный урожай. Приуроченную обрядовую трудовую песню в честь него в основном исполняли поздней осенью, сидя на быках на специальной площадке, когда топтали собранный урожай, чтобы отделить зерно от соломы. Песня была призвана магически содействовать улучшению процесса труда и воздействовать на объект труда.

Мифология донесла до нас культ Долая – покровителя крупного рогатого скота, Аймуша – покровителя овец и Маккуруша – покровителя коз. О возникновении песни о Долае в пастушьей среде говорит ее содержание и приуроченность. Пастухи полны желания побольше сбить масла, потому они готовы славить щедрого и доброго Долая.

В народной памяти сохранились песня, наигрыш и ряд легенд, посвященных Аймушу. Он представлен как зооморфное существо в образе золоторогого барана со снежно-белой шерстью. Согласно мифологическому воззрению, он ходит впереди стада и охраняет его от нечистой силы. Но постепенно «время стерло из народной памяти основные религиозно-мифологические атрибуты, связанные с именем этого божества» (Shortanov, 1981: 91). Позже Аймуш изображается белобородым старцем со свирелью в руках и делает наставления пастухам.

Мифологического покровителя коз Маккуруша люди представляли в образе огромного белого козла с острыми рогами. От его воли зависели приплод и сохранность стада.

Восхваляя покровителей шерстяных и ткацких изделий Инай (Онай, Анай), строго соблюдали соответствие ритма напева ритму труда. «Утилитарной же функцией песни чесальщиц шерсти является эмоциональное облегчение однообразной работы и предрекание изготовляемым из расчесанной шерсти вещам стать счастливыми» (Naloev, 1981: 13).

Покровителями грома и молнии в мифологии балкаро-карачаевцев являются Чоппа, Шибиля и Элия. Первоначально, обращаясь к божеству Чоппа, люди совершали круговой танец вокруг убитого молнией. Позже божество становится полифункциональным. Иногда наряду с Тейри Чоппа наделяется функциями верховного бога. В период затмения Солнца или Луны их пытались «спасти» от чудовища Желмауза и обращались с мольбой о помощи к Тейри и Чоппа. Ритуалы, связанные с почитанием божеств грома и молнии у балкаро-карачаевцев сопровождались, как и у многих народов мира, жертвоприношениями козы. К Чоппе часто обращались с просьбой о ниспослании дождя и оживления природы. Поэтому мнение, согласно которому связанные с ритуалами жертвоприношения коз отражают древнейший символ плодородия (Shortanov, 1981: 73; Sokolov, 1941: 145), нам кажется приемлемым. «По преданию, нарты, когда кого-нибудь поражала молния, пели всегда какую-то песню "Чоппа"» – писал в прошлом веке просветитель С. Урусбиев (1983: 83). «Так, на правой стороне реки Джилги еще не так давно существовал каменный домик. Против этого святилища на правой стороне Чегема была ровная площадка. На ней пели песню «Чоппа», откуда и называется местечко Чоппа чела (чоппачыла) («Люди, поющие песню "Чоппа"»)» Ту же песню «Чоппа» поют, когда человека молнией поражает», – подтверждали в прошлом веке русские ученые В. Миллер и М. Ковалевский (1983: 109).

Шибиля – покровитель, живущий на небе и ниспосылающий на землю гром и молнии. Он оберегает людей от воздействия злых сил, от беды. Данных о его внешнем облике (как и божества Чоппа) в мифологии не сохранилось. Известно лишь, что одна сторона его лица – Солнце, а другая – Луна, а сверкание молнии вызвано его дыханием.

Наиболее поздним напластованием в мифологии балкаро-карачаевцев является образ божества Элия. Связанные с его именем легенды и песни лучше сохранились в народной памяти. В 1807 году Клапрот писал о балкарцах: «Они утверждают, что он (Элия) часто является на вершине самой высокой горы; они приносят ему с пением и танцами в жертву ягнят, молоко, масло, сыр и пиво» (Adigi, 1974: 245). Элия представлен в образе благообразного белобородого старца, летящего над облаками и мечущего молнии движением пальца. Особо был

почитаем Элия богатырями-нартами и дружен с ними: помогал им не сбиться с пути ночью, а также одолеть сильных и многочисленных врагов. В стране нартов его ждали с хмельными напитками и обильным угощением.

Все эти покровители существовали в мифологии балкаро-карачаевцев, не вытесняя друг друга, а имена Шибилы и Элия стали терминами, обозначающими молнию.

Балкаро-карачаевская мифология сохранила ряд песен, преданий и легенд, связанных с охотничьей жизнью и поверьями народа. У охотников был свой табуированный язык, которому придавалось особое значение как одному из магических средств обеспечения успеха. Когда-то в мифологии божество Апсаты представлялось людям зооморфным существом. Но постепенно представление о его внешности трансформируется, божество очеловечивается – это уже белобородый старец. Он не только охранял дичь от истребления охотниками, но и обладал магическими свойствами – мог лечить раны у туров, оленей, коз и т.д. Согласно мифу именно Апсаты впервые на земле распространил айран, тем самым значительно сократив истребление диких животных. Миф об Апсаты и его могуществе лег в основу знаменитой песни о безжалостном охотнике Бийнёгере. «По древним представлениям (тюрков), царь любого вида животных обязательно должен был быть белым» (Urmancheev, 1978: 20). Видимо, балкаро-карачаевцы из тюркской этнокультурной среды унаследовали культ этого цвета, ибо яркий белый цвет значительно преобладает во внешности зооморфных и антропоморфных божеств: Элия, Апсаты, Хардар, Фатимат, Голлу, Аймуш и т.д. Вообще в охотничьей среде очень остерегались и почитали животных белой масти. «По преданию, балкарские старики, бывалые охотники, стреляли семь раз в белого тура и ни разу не попадали» (Kaloev, 1979: 65). Следы охотничьей мифологии относительно хорошо сохранились в песнях охотников на зубра и на медведя. Если раньше эти песни имели приуроченный характер и сопровождали выход охотников на промысел, то в дошедшем до нас варианте они представляют сюжетную ситуацию подготовки к охоте и добычи зверя. В Чегемском ущелье Балкарии зафиксировано поклонение охотников Аш-Тотуру, который, очевидно, восходит к общекавказскому Тотуру, почитаемому ингушами, чеченцами и осетинами как покровитель волков (Kozun, 1966: 34-35).

Повсеместная охота на зверей сама по себе побуждала искать тайну охотничьего промысла и способствовала возникновению профессионального магического обряда – ритуального охотничьего танца (Kudaev, 1984; 17), который сопровождался подражанием рыку зверя, или же песни-заговора, выполняющего охотничью трудовую функцию, песни-заклинания божества охоты и лесных зверей. В охотничьей мифологии балкаро-карачаевцев имела место любовная связь богини Фатимат с охотником Тегеem.

Из древнего фольклора становится ясно, насколько высоко почитали в прошлом предки балкаро-карачаевцев огонь. Священным считался очаг, где горел огонь и вокруг которого собиралась семья. «Неугасимый огонь в очаге, по представлениям балкарцев, означал вечность семьи. Поэтому огонь в очаге старались поддерживать» (Azamatov, 1980: 143-161). Атрибутом мифологического мышления является похищение в богатырском нартском эпосе огня Сосуруком у чудовища эмегена.

Теологическое происхождение – характерное явление для некоторых мифологических персонажей древнего фольклора балкаро-карачаевцев. Мать нартского рода Сатанай родилась от Солнца и Луны (Насиева, 1994: 22), а тамада нартского племени Дебет являлся сыном Неба и Земли. Сердце же у него было из огня.

Обряды «Тейри той», «Сабан той» и «Тепена» также были связаны с огнем. По сей день злейшей формулой-проклятием является словосочетание «Отунг ёчюллюк!» («Чтобы погаснуть твоему огню!»). «Огонь в очаге должен гореть все время и потухший огонь не может быть зажжен снова с помощью огня, взятого у чужого двора. Надочажная цепь у балкарцев, как и у осетин, считалась величайшей святыней семьи, играла важную роль в свадебном ритуале. Если кто-то осмеливался выкинуть цепь, его неминуемо ожидала месть. Продать цепь также считалось большим позором» (Kaloev, 1979: 101).

Балкаро-карачаевцы, долго оставаясь язычниками, поклонялись различным камням и деревьям. Как указывали некоторые авторы, в Большой Балкарии вплоть до конца XIX века поклонялись дереву Раубазы терек, а в Большом Карачае – сосне Джангыз терек. В прошлом вокруг нее карачаевцы устраивали обряд «Чоппа», который сопровождался песней-хороводом, воспевающей божественную силу этой сосны.

Жители Чегемского ущелья Балкарии (аулы Уллу-Эл, Булунгу и Думала) почитали священные камни Байрым таш и Аштотур таш. Им обязаны были поклониться и другие балкаро-карачаевцы, приехавшие погостить или случайно оказавшиеся в Чегеме. Подобные священные камни были во всех обществах Балкарии и аулах Карачая. В Карачае они известны под названиями «Чоппаны ташы», «Къарачайны къадау ташы», «Байрым таш» и т.д. Интереснейшие легенды и песни связаны с камнями Байрым таш и Аштотур таш.

Байрым или Мариам довольно распространенный персонаж в балкаро-карачаевской мифологии. С отступлением христианства и победой язычества, в сознании полуязычников, полухристиан происходит преломление образа святой Марии, и образ ее, перейдя в мифологию, превращается в богиню материнства. Оттуда ее образ переходит также в фольклор. В Чегемском обществе считали, что Мариам похоронена под Байрым таш и дух ее покоится под этим камнем. В 1884

г. известные русские ученые В. Миллер и М. Ковалевский писали: «Заметим, что в Балкарии также много следов древнего христианства. Есть и камень Байрым (осет. Мариам), некогда святилище Богородицы, которому женщины до сих пор приносят жертвы» (Miller and Kovalevskiy, 1983: 109). Как выяснилось позже, священные камни, носящие ее имя, были почти во всех старых селах Балкарии и Карачая.

Божество пожара, огня и ветра Ажам в основном живет в лесу. Внешне он близок к *Агъач Киши* (Лесному Человеку), но тело его как бы объято пламенем. Как и Лесной Человек, он огромного роста, покрыт шерстью, топор на поясе служит основным оружием его защиты и нападения. Ажам имеет и уязвимое место – это поясница. Людям он не показывается, а когда проходит мимо них, слышен только его свист.

Мифология в целом, как и весь древний фольклор балкаро-карачаевцев, был связан с традиционными ритуалами. К ним относятся ритуалы «Тепена» и «Сандыракъ», которые сопровождались песнями и танцами (Kudaev, 1984: 69, 80). Обряд «Тепена» под названием «Чепена» был известен и ближайшим соседям балкарцев – осетинам, что дает нам основание предполагать вероятность его возникновения в среде алан – общих предков балкаро-карачаевцев и осетин. В древности обряд «Тепена» носил свадебный характер и был приурочен к выходу невесты из родительского дома. Невесту водили вокруг горящего очага, при этом она вместе с другими исполняла песню-танец «Тепена». Осетинская «коллективная обрядовая пляска «Чепена», сопровождающаяся одновременной хороводной песней» (Galaev, 1964: 15), очень близка к балкаро-карачаевской «Тепене» не только по характеру предназначенной ей бытовой роли, но и по мелодии.

«Сандырак» известен как популярнейший в Балкарии и Карачае танец, сопровождающийся песней и исполняемый пастухами в ночное время отдыха и на свадьбах. В древности, очевидно, он был приурочен к обряду поклонения людям божеству Сандырак, конкретный образ и функции которого в балкаро-карачаевской мифологии утрачены.

Мифологическую основу имеют песня и наигрыш, исполняемые при поиске тела утонувшего в реке. Люди глубоко верили, что наигрыш или сопровождаемая наигрышем песня помогают найти утопленника, ибо они умиловливают божество воды. Покровителями воды в балкаро-карачаевской мифологии являются Данметтир и Сюлемен. Их называют Суу Анасы, т.е. Матерью воды. Божество Данметтир, на наш взгляд, восходит к покровителю воды в мифологии алан Донбыгытуру, а Сюлемен – ни что иное как превращение библейского пророка Соломона в мифического покровителя водной стихии. Согласно народным поверьям, внешне они напоминают женщин с длинными светлыми волосами и живут на дне рек, озер и водоемов.

Покровительницей морей в мифологии балкаро-карачаевцев была Тенгиз Тейри. Как и другие покровители подводного мира, она наделена антропоморфными чертами и живет на морском дне. Богиня могла выходить на сушу, обернуться женщиной и похитить понравившуюся девушку, чтобы подчинить себе. Так она поступила с героиней нартского эпоса Сатанай.

Вообще в анимистических верованиях балкаро-карачаевцев наблюдается большое количество женских божеств, культ которых, очевидно, объясняется господствовавшим некогда матриархатом. Это такие покровительницы, как Жукъу Анасы (Мать сна) – Чомпараш, Кюл Анасы (Мать золы) – покровительница очага, Кёме Анасы (Мать кори), Эмина Анасы (Мать холеры), Азмьч – страшно уродливая женщина, искусно умеющая говорить проклятия. Нетрудно догадаться, что слово «ана» – «мать» – здесь употребляется только в значении патрона. Нет сомнения, что в прошлом каждый патрон (*ана*) имел свое имя, хотя со временем оно и исчезло из памяти людей.

В народе было и поклонение ветру. К покровителям ветра Гери-Гери и Химикки люди обращались при веянии зерна, а также в период долгих, сильных ветров с просьбой умерить их силу. По народным поверьям, они имели веники, на которых быстро взлетали на облака и направляли ветер в любую сторону.

В прошлом балкаро-карачаевцы почитали черного ворона – *къара къаргъа*, белую олениху – *акъ марал*, черную лису – *къара тюлкю*, а также барана и быка. «Среди почитаемых домашних животных на одном из первых мест стоит баран» (Azamatov, 1980: 155). Как отмечено выше, зачастую некоторые божества в балкаро-карачаевской мифологии фигурируют в образе барана. Так, знаменитый охотник Боташ вынужден был покинуть Большую Балкарию из-за того, что случайным выстрелом из лука убил барана, которому поклонялись люди. Позже, преследуя белую маралиху в горах Баксана, он прошел дальше и открыл еще незаселенные верховья Кубани.

Согласно народным воззрениям, черная лиса обладала свойствами оберега, а обладатель ее шкуры мог не бояться всяких бед.

Нельзя было стрелять в белую маралиху – это могло принести несчастье охотнику. Молоко же ее считалось средством от неизлечимых болезней.

Магические функции и семиотический знак обилия, плодородия и урожая придавали в прошлом карачаевцы жертвенной козе при исполнении обряда «Чоппа».

В мифологии балкаро-карачаевцев остались следы солярных, лунарных и астральных мифов. Согласно народным поверьям звезды – это искорки, летящие из камина верховного бога Тейри, Солнце – муж, а Луна – жена. В новолуние балкаро-карачаевцы обращали свои взоры к небу и просили у Луны помочь

исполнению их мечты. Бог Солнца (Кюн тейри) сильнее и могущественнее бога Луны (Ай тейри). Венера (Чолпан) считалась звездой, продавшей свою мать за золотую шубу. Яркое сияние звезды воспринималось в народе как блеск этой шубы. Пятна на Луне объяснялись тем, что на нее взлетел вместе с конем и собакой один из героев богатырского нартского эпоса Гиляхсыртан Злоязычный. Балкаро-карачаевцы считали, что затмение солнца и луны происходит из-за того, что их пытается проглотить чудовище – дракон Желмаууз. Люди стреляли в небо, били в тазы, кричали, разводили костры, чтобы отогнать Желмаууза прочь и разбудить небесных сторожей. Тералогические мифы оставили заметный след в воззрениях народа. В качестве злых духов выступают Байчы, Бастырыкьгъан, Азмыш и мифические существа, которые могут издавать неприятные звуки. Когда человек один, Байчы громко кричит, называя его имя голосом близкого тому человека. Но откликаться нельзя, так как, по народным поверьям, можно остаться зайкой. «В присутствии ребенка взрослые избегали разговоров о злом духе Байчы и никогда не пугали его именем детей» (Shamanov, 1980: 86). «Старики, знатоки старины, уверяют, что Байчы действует преимущественно ночью, зовет человека по имени, и если кто-либо по неосторожности отзовется, тот теряет силу, полностью подчиняется воле Байчы и становится его жертвой» (Лауранов, 1957: 32).

Защитником маленьких детей, духом добра был «патрон, повсеместно почитаемый Тымбыл» (Shamanov, 1980: 88). Покровитель домашнего очага и семьи в целом – Юй Иеси (букв.: домовый) представлялся в образе необыкновенно высокой женщины с длинными волосами. Согласно традиционному ритуалу, ей должны были оставлять долю из приготовленной пищи, в противном случае она могла разгневаться и бить посуду, пугать детей и т.п.

В прошлом балкаро-карачаевцы почитали святилища. При этом остерегались бед и несчастий, которые могут постигнуть святотатца. В Верхней Балкарии и Чегеме были специальные рощи и места, где устраивали обряды «Голлу», «Чоппа», «Элия» и т.д. Например, Ач-Элия-Урган, Чоппачыла, Уллу Тотур и т.д. В Большом Карачае ритуальные трапезы устраивались вокруг камня Чоппа таш и у священных деревьев, церквей. Особо почитали *чуана* (бывшие христианские храмы) весной, когда народ выходил на праздник первой борозды. Тамада обряда (*тёречи*), исполняющий функции жреца, выходил к горящему костру и, обращаясь к божествам Чоппа, Голлу, Хардар, Перекет, Тейри просил о ниспослании богатого урожая и изобилии нив. «В Балкарии (в Терской обл.) в кургане Хусанты, по преданию, есть помещение с семью окаменевшими девами. Одна из них с ребенком на руках... Женщины приносили окаменевшим девам жертвоприношения: молоко, лепешки и ягнят. И в настоящее время курган Хусанты считается священным и неприкосновенным», – писал Г.Ф. Чурсин (1913: 80).

В народной памяти остались отголоски о некогда имевшем место у балкаро-карачаевцев фаллическом культе. Так, общинники Чегемского ущелья,

как правило, спаривали овец и коз у подножья скалы Гильдор. Покровитель же коз Маккуруш отличался сверхъестественной половой активностью.

Различные виды магии и заговора нередко сопровождалась песней или формулами-заклинаниями. Будучи теснейшим образом связаны с мифом, они составляли его неотъемлемую часть и применялись в самых различных случаях и ситуациях. Заговоры в балкаро-карачаевской мифологии произносились особым табуированным архаическим языком, им приписывалась магическая сила, способствующая исполнению желаний.

Если животное не возвращалось с пастбищ или не могли его найти, брали ножницы и в сопровождении песни-заговора связывали их веревкой, будто этим обезвреживали животное от волчьей пасти, что соответствовало апотропеи – предупредительной магии.

По целевой направленности, предназначенной функции и степени сложности балкаро-карачаевские мифы имели обряды знахарства – лечебной магии, оберега – предохранительной магии, порчи – вредоносной магии, вербальной магии – магии слова, мантики – гадальной магии и т.д., на подробной классификации которых мы не можем остановиться.

В свадебном обряде «Тепена», когда невеста покидала отчий дом, ее осыпали зерном, чтобы ее не покидало изобилие, что соответствовало магии плодородия или контагиозной магии.

Наиболее распространены были заговоры змеи, волка, луны. Так, существовало поверье, согласно которому, если гонятся друг за другом три змеи, то ползущая впереди якобы обладает волшебным амулетом (*жилян минчакъ*), а две другие хотят у нее отнять его. Было также поверье, что, если амулетом завладеет человек, то змеи будут почитать его и никогда не тронут. При встрече со змеей ее не убивали, а заговаривали песней:

Жел къамичинги ал, жилян,	Ветреную плеть возьми, змея,
Жел жамычынги кий, жилян,	Ветреную бурку надень, змея,
Жел атынга мин, жилян,	На ветреного коня сядь, змея,
Жер тешикге кир, жилян!	На земле в дыру уползи, змея!

(Ленинни байрагы 1983)

Апотропическими предметами у балкаро-карачаевцев были различные железные изделия; ножницы, ножи, гвозди и брусок. Г.Ф. Чурсин писал, что «карачаевцы для отогнания злых духов к люльке привешивают иногда когти волка и рыси» (1929: 9). «В какой-то период своей истории все цивилизованные народы мира прошли через подобную стадию интеллектуального развития, – подчеркивает о магии Дж.Дж. Фрезер (1986: 59).

Созданная в глубокой древности и перенесенная через века песенная культура явилась не только образцом древнего мышления, образа жизни и мировоззрения балкаро-карачаевского народа. В ней наиболее полно и весомо отразились характер и эстетика его творческого мышления. Ибо, являясь словесной первобытной культурой, миф выражает мироощущение и миропонимание эпохи его создания (Миф, 1982: 14). Исследования показывают, что в основе мифологии балкаро-карачаевцев лежит синтез древнетюркского, аланского и общекавказского компонентов. Богата и разнообразна культура древних племен – предков балкаро-карачаевцев. Она и явилась источником формирования мифологии этого народа. Хотя прошедшие столетия и наложили заметный отпечаток на ее эволюцию, мифология балкаро-карачаевцев сохранила следы глубокого архаизма и донесла до нас религиозно-мифологические представления и древнее мышление народа в относительной полноте и разнообразии форм. Некоторые ее сюжеты послужили основой для создания замечательных песенных творений народа. Созданные мифотворчеством народа культовые образы во многом представляли культурных героев, деятельность которых была неразрывно связана с жизнью людей.

ЛИТЕРАТУРА

- Adigi, Balkarsı i Karaçayevsı v İzvestiyah Evropeyskih Avtorov VIII-XIX vv. Nalçik: Elbrus, (1974). 634 s.
- AZAMATOV K.G. (1980) Perejtki yazıçestva v verovaniyah balkarsev // İz istorii feodalnoy Kabardı i Balkarii. Nalçik: Elbrus, 1980. S. 143-161.
- CHURSİN G.F. (1929) Amuleti i talismanı kavkazskih gorsev. Mahaçkala, 1929. 66 s.
- CHURSİN G.F. (1913) Oçerki po etnologii Kavkaza. Tiflis, 1913. 191 s.
- FREZER C.C. (1986) Zolotaya vetv. M.: Politizdat, 1986. 703 s.
- GALAYEV B.A. (1964) Osetinskaya narodnaya muzıka // Osetinskiye narodniye pesni. M.: Muzıka, 1964. S. 7-20.
- HACİYEVA T.M. (1994) Nartskiy epos balkarsev i karaçayevsev // Nartla. Malqar-qaraçay nart epos (Nartı. Geroiçeskiy epos balkarsev i karaçayevsev). M.: Nawka. İzd-skaya firma «Vostoçnaya literatura», 1994. S. 8-66.
- HOLAYEV A.Z. (1981) K voprosu o transformasii obrâdovoy pesni-plâski «Gollu» u balkarsev i karaçayevsev // Hudojestvenniy yazık folkloru kabardinsev i balkarsev. Nalçik: KBIİFE, 1981. S. 5-11.
- HOLAYEV A.Z. (1981) Narodnoye ustno-poetiçeskoye tvorçestvo // Oçerki istorii balkarskoy literaturı. Nalçik: Elbrus, 1981. S. 13-31.
- KALOYEV B.A. M.M. (1979) Kovalevskiy i ego issledovaniya gorskih narodov Kavkaza. M.: Nawka. Gl. redaksiya vostoçnoy literaturı, 1979. 202 s.

- KARAYEVA A.İ. (1961) O folklornom nasledii karaçayevu-balkarskogo naroda. Çerkessk: Karaçayevu-Çerkesskoye kn. izd-vo, 1961. 60 s.
- KORZUN V.B. (1966) Folklor gorskih narodov Severnogo Kavkaza. Groznyy: Çeçeno-İnguşkoye kn. izd-vo, 1966. 202 s.
- KUDAYEV M.Ç. (1984) Karaçayevu-balkarskiye narodniye tansı. Nalçik: Elbrus, 1984. 116 s.
- LAVROV L.İ. (1969) Balkariya i Karaçay do 30-h godov XIX veka // Kavkazskiy etnografiçeskiy sbornik. M.: Nawka, 1969. T. IV. S. 97-113.
- LAYPANOV X.O. (1957) K istorii karaçayevsev i balkarsev. Çerkessk: Karaçayevu-Çerkesskoye kn. izd-vo, 1957. 68 s.
- Leninni Bayrağı (Znamâ Lenina, gaz.). (1983), 22 dekabrâ.
- Mifi narodov mira. (1982) M.: Sov. ensiklopediya, 1982. T. I. 671 s.
- MİLLER V., Kovalevskiy M. V gorskih obşçestvah Kabardı // Karaçayevu-balkarskiy folklor v dorevolüsiionnih zapisâh i publikasiyah. Nalçik: Elbrus, 1983. S. 106-115.
- NALOYEV Z.M. (1981) O haraktere polifunksionalizma adıgskoy arhaiçesкой pesni // Hudojestvenniy yazık folkloru kabardinsev i balkarsev. Nalçik: KBIİFE, 1981. S. 12-21.
- ORTABAYEVA R.A. (1967) Karaçayevu-balkarskiye narodniye pesni. Çerkessk: Karaçayevu-Çerkesskoye otd-niye Stavrop. kn. izd-va, 1967. 152 s.
- SOKOLOV Ü.M. (1941) Russkiy folklor. M.: Gos. uç.-ped. izd-vo Narkomprosa RSFSR, 1941. 560 s.
- SHAMANOV İ.M. (1982) Drevnetürkskoye verhovnoye bojestvo Tengri (Teyri) v Karaçaye i Balkarii // Problemi arheologii i etnografii Karaçayevu-Çerkesii. Çerkessk: KÇNIİİFE, 1982. S. 155-170.
- SHAMANOV İ.M. (1980) Obrâdi i poverâ karaçayevsev, svâzanniye s rojdeniyem rebenka (XIX - naç. HH vv.) // Problemi etniçesкой istorii narodov Karaçayevu-Çerkesii. Çerkessk: KÇNIİEİYAL, 1980. S. 72-94.
- SHORTANOV A.T. (1981) Adıgskaya mifologiya. Nalçik: Elbrus, 1981. 196 s.
- TORGUROV Z.H. (1984) Dvijeniye balkarskoy poezii. Nalçik: Elbrus, 1984. 248 s.
- URMANÇEYEV F. (1978) Po sledam Belogo Volka // Sovetskaya türkologiya. 1978, № 6, S. 12-23.
- URUSBİYEV S. (1983) Skazaniya o nartskih bogatırâh u tatar-gorsev Pâtigorskogo okruga Terskoy oblasti // Karaçayevu-Balkarskiy Folklor v Dorevolüsiionnih Zapisâh i Publikasiyah. Nalçik: Elbrus, 1983. S. 56-86.

